

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира

Э.Д. Сулейменова

КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

*Посвящается памяти Учителя —
профессора Геннадия Владимировича Колшанского.*

Эссе, не претендующее на всестороннее развитие темы «Язык и мышление», акцентирует внимание читателя на важных вопросах, в числе которых история идей в географически отдаленных друг от друга центрах мировой культуры и просвещения прошлого; широкий контекст культурного универсума; логика языка и некоторые другие. Автор приводит историко-филологические факты, а также собственное осмысление концепции выдающихся исследователей, таких, как Г.В. Колшанский, личности которого в работе уделено особое внимание.

Какая бы наука ни подступалась к тайнам мышления и роли в нем языка — философия, логика, нейрофизиология или нейропсихология... — скоро становится понятно, что без лингвистики эти тайны так и будут ускользать.

Совершенно очевидно, что именно мышление преобразует объективный мир и активно действующего в нем человека в иной мир, мир идеальных сущностей (понятий, концептов, картин), закрепляя их с помощью средств языка. На этом этапе обнаруживается универсальная гносеологическая функция языка, ведь именно благодаря языку идеальные сущности, закрепляя познанное, «овеществляются» в виде языковых единиц, которые можно сохранять, воспроизводить и использовать по отношению к классам однородных явлений и любому предмету из этого класса.

Анализ категорий «язык», «мышление», «действительность» давно стал для языкознания одной из главных проблем, и это не просто дань традиции. Скорее, это неизбежное следствие столь понятного стремления познать глубинные свойства языка, причины его появления и законы его существования. История языкознания наглядно демонстрирует, как менялся интерес к этой проблематике и какой она представляла в сменяющихся друг друга научных парадигмах, однако самыми сильными и значительными по диапазону влияния на современную «европоцентрическую» лингвистику продолжают оставаться идеи В. фон Гумбольдта.

В этой связи интересен опыт включения проблемы взаимоотношений языка, мышления, действительности в широкий контекст *культурного универсума*, в котором зрела арабская культура. Идеи арабских мыслителей по-прежнему недо-

статочно обсуждаются в лингвистике, хотя многое в их взглядах поражает современным и актуальным звучанием.

В X веке Абу Хаййаном ат-Таухиди была написана «Книга услад и развлечений», в которой в форме увлекательных диалогов визиря (логика) и литератора обсуждаются вопросы универсальности мышления и независимости его от языка. Абу Хаййан ат-Таухиди «отстаивает неразрывность связи языка и мышления, демонстрируя значимость любого элемента языка и отрицая возможность внеязыкового мышления. Его утверждения о том, что у каждого языка своя логика, а мысль вырастает из языка, снимающие абсолютность противопоставления формы и содержания применительно к оппозиции «язык — мышление», основаны на убеждении, что логика — создание греческих ученых — есть логика греческого языка [1. С. 50].

Абу Хаййат ат-Таухиди считал, что у каждого языка своя логика, своя грамматика и понять логику можно только через язык: «Грамматика — это логика, но выделенная из арабского языка, а логика — это грамматика, но понятая через язык. Разница между словесной формой и значением в том, что форма относится к природе, а значение — к разуму». Ат-Таухиди высмеивает претензии логиков на универсальность их знания, поскольку, считает он, в логике содержится совершенно иной, чуждый арабам, персам и индийцам метод мышления и познания. Логика греков отрывает мышление арабов от их языка, а язык и мышление находятся в неразрывной связи. Законы мышления по-арабски содержатся в грамматике арабского языка, которая должна сохранить свою непроницаемость для «чужого» знания [2. С. 62].

Как видим, тема спора в диалогах весьма современна и оценить взгляды ат-Таухиди по достоинству можно, если привести также его мнение о знаниях: «Знание о мире рассеяно по миру между всеми... Оправленное в словесную форму, оно не охватывает всего содержимого разума. Значения постигаются разумом, они образуют непрерывность и простираются без границ. Словесная форма какого бы ни было языка не обладает достаточной силой, чтобы овладеть этим содержанием, вобрать его в себя и воздвигнуть вокруг него **ограду** (выделено нами — Э.С.), которая помешала бы чему-либо изнутри вырваться наружу, а чему-либо снаружи проникнуть внутрь, остерегаясь порчи от смешения» [2. С. 68].

Обратим внимание на следующие моменты взглядов ат-Таухиди: неразрывность языка и мышления делает мышление (логику и грамматику) уникальным и зависимым от языка; никакой язык не в состоянии создать преграду для знания, которое «рассеяно по миру между всеми»; образ ограды, который использует ат-Таухиди, параллелен образу языка-круга, о котором говорил Гумбольдт, рассматривая язык и мировидение. Отметим попутно, что *мировидение* занимало ученых издавна, в новейшее время оно традиционно связано с представлениями о *промежуточной мире* в духе В. фон Гумбольдта, Й.Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, Й.Г. Гердера, Э. Сепира — Б.Л. Уорфа, от которых был совсем короткий шаг к *особости национального мировоззрения*, далее — *языковой картине мира и национальной картине мира*.

Однако выводы, которые делают ат-Таухиди и фон Гумбольдт, можно рассматривать в известной степени *pro et contra*: общее утверждение о неразрывности

мышления (мировидения) и языка приводит первого к мысли о целостности знания, о том, что между знаниями невозможно провести преграду, а второго, напротив, к положению о специфичности мировидения разными народами. Как известно, именно эта гумбольдтовская идея была впоследствии широко использована и развита в теории лингвистической относительности и концепции неогумбольдтианства, а также в многочисленных работах, доказывающих существование *языковой картины мира*.

Где же истина? Вот уже не одно тысячелетие ученые пытаются найти ответ на фундаментальные вопросы: насколько оправданно говорить о влиянии языка на мышление; каковы границы влияния языка на процессы и результаты познания; каким образом объективная действительность отражается в языке; можно ли говорить о субъективном (на уровне личности, языка и его народа) образе объективного мира как средстве ориентации в реальной действительности?

В поисках ответов на эти и другие связанные вопросы выдающийся лингвист прошлого века Геннадий Владимирович Колшанский обратился к категориям объективного и субъективного в языке, в частности — к объекту vs. субъекту как человеку, который непосредственно взаимодействует с объектами и с объективным миром.

Постепенно менялся диапазон, глубина анализа и его инструментарий, но неизменным у Г.В. Колшанского оставался интерес к данной проблематике. Это легко увидеть, выстроив главные монографические работы Г.В. Колшанского в хронологическом порядке: «Логика и структура языка» (1965), «Паралингвистика» (1974), «Соотношение субъективных и объективных факторов в языке» (1975), «Контекстная семантика» (1980), «Коммуникативная функция и структура языка» (1984), «Объективная картина мира в познании и языке» (1990) и др. [3—8]. Кроме того, были и две диссертации. Если в кандидатской диссертации (1951) Г.В. Колшанский рассматривает суждение, реализуемое в языковой форме в виде высказывания, структурирующего универсальный признак связи «единичное — всеобщее», то через четырнадцать лет в докторской диссертации (1965) им была представлена новая целостная концепция логического анализа структуры языка и дана широкая панорама соотношения логических и грамматических категорий.

В работах Г.В. Колшанского отчетливо видна траектория его научных поисков — от логической структуры языка к субъективным и объективным факторам в языке, через них к расширению предмета языкознания и выход в контекст, конситуацию и использованию паралингвистических средств, к разработке концепции коммуникативной лингвистики и объективности картины мира в познании и языке.

Научное обаяние, убедительность и воздействие высказываемых им идей было таким, что очень быстро вокруг него сформировалась авторитетная научная *Школа теории текста и коммуникативной лингвистики профессора Г.В. Колшанского*. В школу вошли такие известные ученые, как И.Р. Гальперин, Е.И. Шендельс, О.И. Москальская, С.И. Канонич, О.Л. Каменская, Т.М. Дридзе и др. И сегодня — это одна из ведущих школ, рассматривающая в качестве единственной полноправной единицы общения цельный, связный и заверченный текст, изучающая закономерности создания и функционирования текста в коммуникативном про-

цессе. Школа Г.В. Колшанского не утратила своей значимости по сей день, его идеи по-прежнему привлекательны и ложатся в основу многочисленных исследований. Продуктивное развитие школы Г.В. Колшанского успешно продолжается. Рассмотрим, в чем же заключается эвристический потенциал его идей и их привлекательность?

Г.В. Колшанский постоянно повторял, что в теоретических исследованиях анализ языка дает возможность, расчлняя изучаемый объект на составные элементы, понять их внутренние связи и алгоритмы вхождения в систему. Однако только синтез позволяет понять то существенно общее, что отличает составные элементы и делает из них целое. Точно так же, как одинаково и аналитично, и синтетично наше мышление, научный анализ также должен быть и аналитичным, и синтетичным. «Именно обобщающий, синтезирующий, а не только анализирующий подход позволил Г.В. Колшанскому сосредоточиться на ключевых позициях в лингвистике, выйти в конечном счете на чрезвычайно продуктивную концепцию, опережающую время», — писали С.И. Мельник и А.М. Шахнарович в предисловии к посмертно вышедшей книге «Объективная картина мира в познании и языке» [9. С. 4].

Цельность и достоинство концепции Г.В. Колшанского создается последовательностью и динамичным поступательным характером методологии, определяемой его логико-философскими и лингвистическими взглядами. Г.В. Колшанский даже в период тотального распространения структурализма в советском языкознании не признавал приоритета формы над содержанием, существования смыслов в глубинных (а тем более в поверхностных) структурах языка, не отождествлял владение языковыми формами и владение языком (порождение и восприятие речи), считал, что языку предначертана единственная функция — коммуникативная. Г.В. Колшанский писал: «Признание языка как средства общения дает основание рассматривать язык в его единственной функции, а именно в функции коммуникации, представляющей собой действительно сложное интегрированное явление, в котором интегрированы все свойства языка, обнаруживаемые в процессе обслуживания им жизни человеческого общества на всех этапах его развития... Коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» [7. С. 3, 9].

Монистический взгляд на функции языка обусловил не только выделение текста как основной единицы языка и коммуникации, но также определение самого языка. «Язык, — пишет Г. В. Колшанский, — являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума» [8. С. 8].

Маркирование коммуникативной функции языка как единственной и определяющей экстрагировало понимание языка как привилегии только человека. Г.В. Колшанский приводит убедительный ряд примеров, демонстрирующих относительную свободу в использовании языка человеком: неологизация лексики, умение использовать контекст, расширение самодостаточной базы родного языка за счет иноязычных слов, диалектизмов, отличия в лексиконе разных людей,

языкотворчество (выбор синонимов, порядка слов), построение диалога и монолога, сегментация и делимитация текста, все виды аллитерации, привлечение паралингвистических средств, отражение в языковых единицах художественного видения мира, эмоциональное и прагматическое воздействие на коммуниканта и многое другое.

Методологически четко выверенный маршрут приводит Г.В. Колшанского к понимаю, что интенции, ситуации общения, контекст, компетенции говорящих и даже само использование готовых языковых форм заставляет человека вместо «овладения языком через структуры заниматься овладением структурами, заучиванием и имитацией» [7. С. 14]. «Храм, который строил Колшанский, — это его коммуникативная лингвистика, оригинальная концепция языка, существенно отличающаяся от всего, что существует на Западе под таким же названием», — писали С.И. Мельник и А.М. Шахнарович [9. С. 4—6]. Развивая предложенную ими метафору, можно сказать, что в мощном основании Храма находится текст — основная динамичная единица языка и коммуникации, в которой мысль продолжает жить.

Рассматривая лингвогносеологические предпосылки адекватного познания объективного мира, Г.В. Колшанский убеждает, что практическая и гносеологическая деятельность человека происходила одновременно — и именно это стимулировало качественный скачок в его эволюции, а именно появление у него абстрактного мышления. Абстрактное мышление преобразовало объективный мир в мир идеальных сущностей, которые закрепились в звуковом языке. «Возможность использовать язык в качестве инструмента познания, — пишет Г.В. Колшанский, — не означает способности этого инструмента выступать лишь в роли орудия познания. Интерпретация различных результатов, полученных с помощью этого орудия, является как бы вторичной функцией языка — первичной остается функция материализации идеального мира» [8. С. 48].

Отвечая на вопрос об отражательной способности мозга в процессах познания, Г.В. Колшанский говорит о ней исключительно только в отношении мозга, но ни в коем случае языка. Именно мозг строит вторичную, отражательную картину мира. «На этом основании, продолжает он, — можно говорить, что язык выражает мышление, а мышление отображает действительность. Это принципиальное положение неумолимо означает, что картина мира, т.е. знание о мире, — это атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» [8. С. 23].

Г.В. Колшанский неоднократно подчеркивал, что язык не имеет непосредственного отношения к миру. В языке закрепляется общественное сознание, а тексты — это вместилище результатов мыслительной деятельности. Не склонный к использованию метафор в научном изложении, Г.В. Колшанский все же предлагает следующий образ: «Язык является как бы звуковой книгой, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении истории. Языковые свойства являются свидетельством “человеческих страданий” в поисках истины, начиная от простого обозначения вновь открываемых объектов и явлений до формирования научных концепций строения Вселенной. В язы-

ке находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире — природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и т.д.» [8. С. 24]. В данном положении концепции Г.В. Колшанского можно усмотреть реминисценции (а может быть, просто ретроспекцию рефлексирующего в поисках гармонии сознания) с рассмотренной выше теорией ат-Таухиди. Действительно, *знания о мире* оказываются непрерывными не только между разными народами, но и разными этапами жизни человеческого рода.

Г.В. Колшанский делает следующий логический шаг в определении понятия *картины мира*, которое в языкознании получило самые противоречивые толкования особенно в связи с вовлечением в научный обиход еще одного созвучного понятия — *языковая картина мира*.

Язык, по Г.В. Колшанскому, не выступает демиургом картины мира, а лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания. Как способ выражения мышления, а значит, и познания, «язык выступает в качестве средства, замещающего в познании человека предметы, связи и отношения мира — он является как бы создаваемым объектом. Можно сказать, что язык выступает формой овладения миром, но не формой особого мира. Вот почему нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира» [8. С. 25].

Именно в таком прочтении следует понимать и название последней книги философа, логика, лингвиста Геннадия Владимировича Колшанского — «Объективная картина мира в познании и языке»: картина мира объективна, картина мира познаваема, картина мира существует в познании и языке.

Список литературы

1. Фролов Д.В. Вступительная статья, перевод и комментарии к книге Абу Хайяна ат-Таухиди «Книга услад и развлечений» // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.
2. Абу Хайян ат-Таухиди. Диалоги (из «Книги услады и развлечения») // Запад — Восток. Исследования. Переводы, публикации. М., 1988.
3. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965.
4. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
6. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
8. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
9. Мельник С.И., Шахнарович А.М. О авторе этой книги // Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

© Сулейменова Э.Д., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.08.2018

Принята к публикации: 26.09.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д. Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 546—553. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Сведения об авторе:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: esuleim@gmail.com

Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and Picture of the World

E.D. Suleimenova

Kazakh National University of Al-Farabi
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

The essay, which does not pretend to comprehensive development of the theme “Language and thinking”, focuses the reader’s attention on important issues, including the history of ideas in geographically distant centers of world culture and education of the past; the broad context of the cultural universe; language logic and some others. As an illustration, the author cites historical and philological facts as well as her own understanding of the concept of outstanding researchers, such as G.V. Kolshansky.

References

1. Frolov, D.V. 1988. “Vstupitel’naya stat’ya, perevod i komsmentarii k knige Abu Hajjana at-Tauhidi «Kniga uslad i razvlechenij»” [Introduction, Translation and Comments] in *Vostok — Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii*. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Hajjan at-Tauhidi, A. 1988. “Dialogi (iz «Knigi uslady i razvlecheniya»)” [Dialogues (from the “Book of Delights and Entertainment”)] in *Zapad — Vostok. Issledovaniya. Perevody, publikacii*. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Kolshanskij, G.V. 1965. *Logika i struktura yazyka* [The Logic and Structure of the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
4. Kolshanskij, G.V. 1974. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Kolshanskij, G.V. 1975. *Sootnoshenie sub’ektivnyh i ob’ektivnyh faktorov v yazyke* [The Ratio of Subjective and Objective Factors in the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Kolshanskij, G.V. 1980. *Kontekstnaya semantika* [Context Semantics]. Moscow. Print. (In Russ.)
7. Kolshanskij, G.V. 1984. *Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka* [Communicative Function and Structure of the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
8. Kolshanskij, G.V. 1990. *Ob’ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Picture of the World in Cognition and Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
9. Mel’nik S.I., and A.M. Shahnarovich. 1990. *O avtore ehtoj knigi* [About the Author of this Book] in *Ob’ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke*. Moscow. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.08.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Suleimenova, E.D. 2018. “Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and Picture of the World”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 546–553 DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Bio Note:

Eleonora D. Suleimenova is a Doctor in Philology, Professor, Kazakh National University of al-Farabi. E-mail: esuleim@gmail.co